

Целыми днями Хан Яньян оставалась дома, никогда не выходя на улицу. Ее жизнь была до безобразия однообразной. Такая жизнь была совершенно непонятна Яо Чену. Он был из тех людей, которые чувствуют себя некомфортно, если в настоящее время не происходит какой-либо шумихи. Он привык к жизни, вращающейся вокруг красных фонарей и зеленого вина*.

(П.П. вечеринки и поиск удовольствий)

Хан Яньян жила слишком тихо. Чувствуя, что так не пойдет, Яо Чен вытащил ее из раковины.

Куда бы ни шел Яо Чен, Санху и другие неизбежно следовали за ним, и вскоре Яо Чен обнаружил, что Хан Яньян вообще не может общаться с его братьями.

В конце концов, Хан Яньян не была ни Эмили, ни Сакурой. Она не могла сесть на колени Санху и выпить с ним тост, а также не могла смеяться и игриво шлепать его, когда он баловался с ней. Они вообще не были на одной волне.

Санху и его банда, зная, что Хан Яньян была «серьезной» девушкой Яо Чена, называли ее «невесткой». Хан Яньян ни в коем случае не была к ним холодна — на самом деле она всегда отвечала очень вежливо и мягко, — но Яо Чен чувствовал прохладное отчуждение под ее мягкостью.

Между тем Санху, привыкший околачиваться с эскортом, совершенно ничего не знал об уважении к женщинам. Он отпускал грязные шутки, даже не задумываясь о ее присутствии, и было совершенно невозможно попросить его не приходить из-за того, что Хан Яньян тоже присутствовала.

Яо Чен наблюдал за ней, пока она потягивала вино. Ее глаза были далекими и отчужденными, и он понял, что сделал что-то не так.

Она была серьезной девушкой, которая не могла смутиться, когда другие мужчины подвергали ее вульгарным, непристойным шуткам.

И приводить серьезную девушку к сомнительным женщинам... Даже ему было немного не по себе внутри, не говоря уже о ней.

Позже он сказал Хан Яньян: «Если тебе не нравится тусоваться с Санху и другими, не заставляй себя и просто не иди».

На самом деле, в глубине души он боялся, что она вздохнет с облегчением. Если да, то это означало, что глубоко внутри она смотрела свысока на таких мужчин, как Санху. И признавал он это или нет, он и Санху имели одно и тоже скромное происхождение.

Он не хотел, чтобы Хан Яньян смотрела на него свысока.

К счастью, Хан Яньян ничего подобного не сделала. Она ответила небрежно, как будто это было тривиально. Яо Чен вздохнул с облегчением.

«Что ты так внимательно читаешь?» Он поднял ее книгу. Глядя на это, у него болел череп.

Яо Чен был истинным академиком, подающим надежды.

Хан Яньян весело хихикнула.

Между тем, тот факт, что Санху тайно высмеивал свою младшую невестку Хан Яньян за то, что она «душная и скучная», стал известен Яо Чену, который сильно ударил его ногой по ноге. Но Яо Чен не стал объяснять ему правду о том, что, когда он и Хан Яньян были одни, она вовсе не была душной и не имела никакого отношения к слову «скучная».

В постели она была дика, как суккуб, и он был единственным мужчиной, который мог ее подчинить.

«На самом деле, я не то чтобы хочу, чтобы ты гуляла с ними. Просто я боюсь, что тебе скучно просто читать дома весь день». Яо Чен объяснил ей, садясь на большое кожаное кресло рядом с Хан Яньян.

«Но если бы я жила в общежитии, я бы точно сейчас занималась в библиотеке». Она ткнула его в лоб своим тонким пальцем. «Ты глупый человек, я студентка. Мои однокурсники, которые живут в кампусе, не покидают его с рассвета до заката. Как студенты, что бы мы делали, если бы не читали, не гуляли и не тусовались, как вы?»

Это было правдой. Яо Чен тоже так думал.

Кроме того, Хан Яньян лучше оставаться дома с таким хорошим поведением.

Ее маленькая сторона суккуба никогда не показывала свое лицо. Она выглядела просто как порядочная девушка из уважаемой семьи. Но ей потребовались бы считанные минуты, чтобы переспать с мужчиной, если бы она решила, что хочет этого. То, что она добросовестно ходила в университет и честно оставалась дома, на самом деле было совсем неплохо.

Пока он так думал, он услышал, как Хан Яньян спросила: «Яо Чен, если мы расстанемся, ты дашь мне щедрые алименты?» Она даже подчеркнула слово «щедрые».

Яо Чен: "..."

Яо Чен чувствовал себя морально истощенным.

Он никогда не чувствовал разрыв между поколениями, даже когда спал с 17-летней эскортницей. Только столкнувшись с умственными скачками Хан Яньян, он не мог не задаться вопросом: «Я старею?». Он не мог угнаться!

«О чем ты сейчас думаешь?» Он ущипнул ее за обе щеки. –«Ты надеешься, что мы расстанемся?»

Хан Яньян спасла свое лицо из его лап, в отчаянии помассировала свои щеки и ответила: «Я немного беспокоюсь».

"Что тебя беспокоит?" он спросил.

«Ты меня балуешь, - сказала она, - Ты был тем, кто говорил мне раньше, что, когда ты все время наблюдаешь, как другие люди развязываются, твой разум постепенно становится все менее и менее ясным. После того, как я познакомилась с тобой, я носила брендовую одежду, пользовалась брендовыми товарами, хорошо ела и пила. Я не думаю, что смогу вернуться к тому, какой я была раньше. Рано или поздно я буду запутываться все больше и больше. Так что, если мы когда-нибудь расстанемся, я надеюсь, что ты дашь мне огромные алименты, чтобы я могла продолжать так жить и не впала в нищету из-за нехватки денег»

Когда она сказала «огромные», она сделала довольно преувеличенный жест руками.

Но глаза ее были ясны. В них не было ни жадности, ни расчета.

Яо Чен поджал губы. «Я думаю, что сейчас у тебя довольно ясная голова, но...»

Он поднял ее на стол и начал развязывать ее ремень со свирепой ухмылкой. «Раз уж ты так любезно попросила, я буду давать тебе по 200 миллионов* каждый раз...»

(П. П. 1 710 000 000 руб... Чтоб я так жил)

На ее рабочем столе он мошеннически начал проект стоимостью 200 миллионов юаней. Когда он входил и выходил, он думал, что это неплохой способ монополизировать ее красоту, сделать ее неразлучной с ним.

В конце Яо Чен втиснул их обоих в большое кожаное кресло и они начали серьезный разговор.

«На самом деле, после начала занятий в университете была школьная ярмарка вакансий. Все мои знакомые пошли туда искать работу», — сказала она. «Я думала об этом. Если ты готов поддержать меня, я не буду искать работу какое-то время. Я хочу сдать вступительные экзамены в аспирантуру».

Яо Чен немедленно выразил ей свою поддержку. «Конечно. Не беспокойся так сильно об этом, я поддержу тебя во всем, что ты пожелаешь. Просто хорошо учись. Ищешь работу? Моей женщине нужна работа?»

Яо Чен, возможно, был настоящим академическим неудачником, но он очень поддерживал учебу Хан Яньян. «Учись усердно, — сказал он ей, — вплоть до докторской степени».

Хан Яньян знала, что она была очень близка к тому, чтобы держать руку на пульсе этого человека.

Яо Чен был очень бдительным и осторожным человеком. Она была с ним несколько месяцев, но до сих пор не прикоснулась ни к чему действительно полезному. Из-за своего плана по захвату Яо Чена Хан Яньян была морально готова к долгой войне.

И самое первое, что ей нужно было сделать, это придать себе значение, превратиться в интеллектуальную богиню, в недостижимый цветок на высокой скале.

<http://tl.rulate.ru/book/53179/2376642>